

того или другого сербского звука русским. Так, напр., русскому *ол* соответствует в живом сербском произношении *у* (волк — вук, полн — пун); этим объясняется появление в Хронографе *ол* вм. *у* и там, где сербскому *у* соответствует в русском языке *у*. Так, форма *молчаше*, читаемая в списке Погод. № 1404а (список без всякого сомнения русский) вм. *мучаше*, восходит, думаю, к первоначальной редакции Хронографа.⁶⁰ Далее А. А. Шахматов приводит и другой антисербизм: «благооболчен» вместо «благообучен». А. А. Шахматов пишет: «Появление антисербизма, как *молчаше* вм. *мучаше*, может быть обязано только сербу и притом сербу, или списывавшему русский подлинник, или писавшему в России: читая *ол* русских книг как *у*, он, не справляясь с действительным русским произношением, мог писать *ол* и там, где русские произносили *у*».⁶¹

Установив принадлежность Русского Хронографа сербу, писавшему в России, А. А. Шахматов далее, на основании анализа принадлежащей Пахомию Сербу и находящейся в Хронографе «Повести об убиении Батия» и ее связей с остальным текстом Хронографа, приходит к выводу, что Русский Хронограф был составлен именно Пахომием Сербом. Окончательно убеждает А. А. Шахматова в том, что составителем Русского Хронографа был Пахомий Серб, то обстоятельство, что в некоторых других рукописях, принадлежащих перу Пахомия, мы встречаемся с точно такими же сербизмами и антисербизмами, как и в Русском Хронографе.⁶²

Мы можем сказать прямо, что данные языка древнерусских произведений (если только их строго отделять от данных стиля) представляют очень важный материал для суждения о происхождении автора. Исследование этих данных облегчается тем обстоятельством, что в древней Руси не было устойчивой орфографии и устойчивых требований литературной речи и поэтому природный язык автора не ограничивался в той же мере обязательными нормами, как в языке авторов нового времени. Новгородизмы и псковизмы, оканье и аканье, отдельные областные слова проникали в древнерусскую письменность довольно свободно, позволяя тем самым легко определять областное происхождение автора. Дело затрудняется только тем обстоятельством, что язык переписчика или редактора проникает в произведение с такой же легкостью, с какой в ней сказывается и язык автора.

Поэтому чрезвычайно важно выявить все признаки, по которым мы можем отделить языковые особенности переписчика или редактора, проникшие в произведение, от языковых особенностей авторского текста. Само собой разумеется, что лексика будет меняться переписчиком реже, чем редактором, и что лексические данные поэтому будут наиболее показательными для языка автора в отличие от языка переписчика или редактора. Но в целом надежно помочь в этом отделении языка переписчиков и редакторов от языка автора смогут только исследование языка в всех списках и установление истории текста произведения. Следовательно, и в этом вопросе история текста играет решающую роль.

Механические приемы выделения авторского языка, путем ли отбрасывания индивидуальных чтений или подсчета большинства чтений, здесь не годятся, как они не годятся и в других случаях.

Особое значение для определения писца, которым может иногда оказываться и сам автор, или для определения переписчика, который может быть и редактором произведения (с этими возможностями надо всегда

⁶⁰ А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа, стр. 77—78.

⁶¹ Там же, стр. 78.

⁶² Там же, стр. 80.